

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УДК 343

А.С. Князьков

ТАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА
В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассматриваются проблемные вопросы тактики взаимодействия следователя и эксперта в ходе подготовки и производства судебной экспертизы. Анализируется взаимосвязь принципов взаимодействия субъектов назначения экспертизы и судебных экспертов с понятием специальных знаний. Исследуется возможность использования экспертом правовых знаний в ходе производства экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза; специальные знания; правовая экспертиза; предмет экспертизы; криминалистические цели назначения и производства судебной экспертизы; взаимодействие следователя и эксперта.

Взаимодействие следователя и эксперта в ходе назначения и производства экспертизы во многом схоже с взаимодействием следователя и органа дознания в ходе предварительного расследования [1, с. 105–109]. Его необходимость, во-первых, вызывается сложностью задач раскрытия и расследования преступлений, предупреждения преступлений, которые с точки зрения решения правоохранительных задач в равной мере стоят перед следствием и государственными экспертными учреждениями. Однако в этом вопросе нельзя не учитывать наличие таких субъектов экспертной деятельности, которые не относятся к должностным лицам государственных экспертных учреждений. Правовая основа взаимодействия с такими лицами ограничивается уголовно-процессуальным законом – здесь более уместно будет вести речь о взаимодействии со стороны указанных лиц на общесоциальной, нравственной основе.

Во-вторых, такое взаимодействие объективно предопределено специализацией предметной деятельности каждого из указанных субъектов, имеющей значение для расследования уголовного дела.

В специальной литературе называют следующие принципы взаимодействия субъектов назначения экспертизы и судебных экспертов:

- принцип законности;
- принцип оптимального использования возможностей каждого из субъектов в процессе взаимодействия;
- принцип четкого разграничения компетенции и должностных обязанностей каждого из взаимодействующих органов и отдельных лиц [2, с. 232–256].

Каждый из указанных принципов так или иначе получает свое выражение в понятии специальных знаний, которыми оперирует лицо, производящее экспертизу.

Именно с пониманием специальных знаний связан предмет судебной экспертизы; его сложность,

определяемая научным характером специальных знаний, является объективной предпосылкой взаимодействия следователя с экспертом, прежде всего в ходе подготовки и назначения судебной экспертизы.

С уголовно-процессуальной точки зрения специальными знаниями применительно к производству судебной экспертизы являются знания, которые находятся за пределами юридических положений, а также общеизвестных обобщений, вытекающих из житейского опыта. Отсюда обосновывается процессуальный запрет на включение в предмет судебной экспертизы тех или иных правовых вопросов, а также нецелесообразность вопросов, ответы на которые очевидны либо они могут быть получены без производства специального (экспертного) исследования. Такое понимание специальных знаний носит «рабочий характер» и не отражает степени дискуссионности, связанной с данной категорией [3, с. 226–232; 4, с. 18–23].

Одним из проблемных положений продолжает оставаться вопрос о возможности использования экспертом юридических знаний при выводе своих заключений: речь идет о так называемых «правовых экспертизах». Как отмечают отдельные авторы, категория «специальные знания» зарождалась и приобрела особый статус в юриспруденции как своеобразное противопоставление (антоним) правовым знаниям [5, с. 108–121].

Устоявшейся в науке точкой зрения, получившей подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г., является взгляд на то, что правовые нормы и юриспруденция, то есть правовые знания, не относятся к специальным знаниям в том смысле, в каком это понятие употребляется в процессуальных нормах. Так, например, Ю.И. Горянов, производя классификацию недопустимых для постановки перед экспертом вопросов, выделяет следующие группы:

1. Связанные с уголовно-правовой квалификацией деяния (установление состава преступления, наличие вины и т.п.):

- нарушил ли водитель К. правила дорожного движения?

- имеются ли в представленной на экспертизу финансовой отчетности заведомо ложные сведения?

- каков размер ущерба, нанесенного уклонением от уплаты налогов? и др.

2. Связанные с юридической оценкой представленных на экспертизу объектов (предметов преступления):

- является ли представленная на исследование денежная купюра поддельной?

- является ли представленная на экспертизу продукция контрафактной? и т.п.

3. Связанные с установлением факта выполнения ответственными (должностными) лицами организации (учреждения) требований нормативно-правовых актов:

- на ком из должностных лиц лежала обязанность по соблюдению правил пожарной безопасности при проведении сварочных работ?

- нарушил ли главный бухгалтер законодательство о бухгалтерском учете в части отражения операций по реализации товара? и др.

4. Связанные с гражданско-правовой квалификацией договорных отношений, установлением их фиктивности (тратовка положений договоров, сути сделок и т.п.):

- фиктивна ли сделка по поставке товара?

- соответствуют ли условия договора комиссии экономическому содержанию фактически осуществленных хозяйственных операций?

- каковы для исследуемого лица правовые последствия сделок по передаче прав инвестирования строительства жилья физическим лицам в 2000–2001 гг.? и др. [6, с. 116–117].

В настоящий момент многими известными учеными аргументированно излагается мнение о том, что положение об абсолютном запрете использования правовых знаний при производстве судебных экспертиз является неточным, не соответствующим закону и тенденциям развития юридических знаний [7, с. 13–15]. В пользу указанной точки зрения косвенно свидетельствуют и законодательные новеллы: ныне действующий отечественный Уголовно-процессуальный кодекс отказался от очерчивания круга специальных знаний, используемых экспертом, лишь знаниями в сфере науки, техники, ремесел и искусства, как это имело место в УПК РСФСР.

Заслуживает внимания аргументация тезиса о возможности использования при производстве судебных экспертиз отдельных правовых знаний, поскольку содержанием этих знаний ранее являлись знания, основывающиеся на специальных криминалистических исследованиях, например, огнестрельного и холодного оружия [8, с. 237–241].

В качестве иллюстрации взгляда о возможности использования в процессе производства судебной экспертизы так называемых правовых знаний приводятся примеры, связанные с решением классификационной задачи при производстве судебно-баллистической экспертизы, химической экспертизы наркотического средства, требующих соотнесения представленных на экспертизу объектов с нормативно-установленным описанием огнестрельного оружия и наркотического средства, то есть с легальным определением того или иного объекта.

Чаще всего в обосновании возможности существования в уголовном судопроизводстве правовой экспертизы отдельные авторы ссылаются на те судебные экспертизы, результаты производства которых позволяют решить вопрос о соответствии действий того или иного субъекта обязательным установлениям, содержащимся в подзаконных нормативно-правовых актах. Названные вопросы нередко не могут быть решены без производства автотехнической, пожарно-технической, строительно-технической и других подобных экспертиз. Так, например, при производстве автотехнической экспертизы при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях часто решается вопрос о соответствии действий водителя определенным правилам дорожного движения.

Однако, как верно отмечает Т.В. Аверьянова, в такого рода случаях речь идет об установлении технической, а не правовой стороны исследуемого явления. Данное положение объясняется тем, что сделанный экспертом вывод не преддрекает виновность лица в совершении определенного деяния, так как не исследуется вопрос о причинах отклонения водителя от действия, предписанного соответствующим правилом [9, с. 189–190].

Соответственно в постановлении о назначении экспертизы, при производстве которой может возникнуть необходимость в использовании нормативных правовых документов, формулировка вопроса должна исключать правовую оценку экспертом какого-либо обстоятельства.

Так, например, некорректной будет формулировка, имеющая следующую грамматическую (логическую) конструкцию: «Соответствуют ли действия водителя Н. правилам дорожного движения?» Ответ на такой вопрос будет означать юридическую оценку действий водителя, которую, как уже отмечено, может давать только дознаватель, следователь и судья (суд). Правильной будет такая редакция вопроса: «Как должен был действовать водитель транспортного средства в сложившейся ситуации, чтобы избежать столкновения с преградой?» В последнем случае изначально отсутствует посылка к какому-либо выводу правового характера, содержащемуся в заключении эксперта. В этом случае ответ на вопрос правового характера о том, соответствуют ли действия водителя правилам дорожного движения, будет оставаться прерогативой лица, производящего пред-

варительное расследование, а также судьи (суда). В логическом смысле законодательно установленная возможность субъекта, назначившего производство судебной экспертизы, не согласиться с заключением эксперта как раз основывается на том, что суждение последнего не носит правового характера.

Вместе с тем сторонники использования при производстве судебных экспертиз правовых знаний подчеркивают, что таковыми могут быть не все вопросы, а лишь отдельные из них. Допустимыми для разрешения экспертом, на их взгляд, представляются вопросы о том, каким образом должен был вести себя субъект в ситуации, чтобы его поведение соответствовало положениям определенных нормативно-правовых актов (правилам, нормам, стандартам, регламентам, техническим условиям и т.п.). Такие вопросы возникают при проведении экономической, технологической, пожарно-технической, строительно-технической, автотехнической и других родов (видов) судебных экспертиз. Представляется, что более точным будет называть рассматриваемые вопросы не правовыми, а технико-правовыми, исходя из утвердившегося в теории права взгляда на классификацию норм права и выделения в ней технико-юридических норм. Как известно, содержанием таких норм является поведение людей, использующих в своей деятельности закономерности естественных наук и техники.

Как уже отмечено, предмет конкретной экспертизы находит свое отражение в вопросах, формулируемых следователем в постановлении о назначении судебной экспертизы. Полнота и своевременность производства экспертизы в определенной мере зависят от правильности изложения того или иного обстоятельства, интересующего следователя в связи с расследованием уголовного дела, в указанном процессуальном акте. В специальной литературе называются положения, которые следует учитывать при формулировании предмета судебной экспертизы. К их числу относятся следующие:

- вопросы должны быть изложены литературным языком;
- вопросы следует излагать просто и в категорической форме, предполагающей получение ясного и точного ответа, например, «не произведен ли выстрел пули, обнаруженной на месте происшествия, из данного огнестрельного оружия?»;
- используемые при формулировании вопроса специальные термины должны отражать их действительное содержание;
- вопросы необходимо ставить в оптимальной последовательности: от общего к частным;
- объем адресованных эксперту вопросов должен отражать совокупность обстоятельств, связанных с общими и частными следственными версиями;
- вопросы должны быть корректными, направленными на выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания; к числу некорректных вопросов, адресованных эксперту, являются вопросы о

«сходстве», об «одинаковости», «однородности» химического состава исследуемых объектов; правильным будет формулировка вопроса в следующей логической конструкции: «Не является ли определенная микрочастица частью конкретного объекта?» [10, с. 418–420].

Помимо вопросов, связанных с решением идентификационных задач, в постановлении необходимо излагать вопросы классификационного, диагностического и ситуационного характера, даже если существует обоснованное предположение об успешном решении идентификационной задачи. На практике чаще всего объем экспертного задания необоснованно уменьшается именно за счет вопросов, связанных с решением диагностических и ситуационных задач, поскольку идентификационные и классификационные задачи, как правило, получают свое отражение в представляемых на разрешение эксперта вопросах.

Разумеется, формулировка вопросов, адресованных эксперту, должна отвечать этическим требованиям. В частности, в них не должно быть выражений, оскорбляющих честь и достоинство определенных лиц, в том числе родственников погибших.

На стадии подготовки и назначения судебной экспертизы следователь вправе обратиться к эксперту за помощью в определении предмета судебной экспертизы, а также в формулировании вопросов; чаще всего это происходит при необходимости производства сложных исследований [11, с. 93–94]. Вместе с тем прерогатива определения экспертного задания всегда принадлежит следователю. Эксперт не имеет право переформулировать текстуально неграмотные вопросы, изложенные в постановлении о назначении судебной экспертизы. Вместе с тем он в своем заключении должен указать, как он понял те или иные, некорректные на его взгляд, вопросы.

В таких случаях следует обращать внимание на возможное изменение содержания экспертного задания путем изменения смысла сформулированных следователем вопросов, в том числе на уменьшение его объема. При этом эксперт под видом уточнения таким образом предмета судебной экспертизы не вправе подменять одну экспертную задачу другой.

В том случае, когда у эксперта существует опасение указанным способом видоизменить предмет экспертизы, он должен соотноситься со следователем и уточнить содержание (смысл) сформулированного им вопроса в постановлении о назначении судебной экспертизы.

Что касается возможности увеличения экспертом объема задания, то она предусмотрена уголовно-процессуальным законом. Так, и в ч. 1 ст. 57, и в ч. 2 ст. 204 УПК РФ закреплено правило, в соответствии с которым эксперт, установивший в ходе производства судебной экспертизы имеющие значение для расследования уголовного дела обстоятельства, в отношении которых в постановлении о назначении экспертизы не были поставлены вопросы, вправе

исследовать такие обстоятельства и указать на них в своем заключении.

Таким образом, одной из важнейших предпосылок успешного производства судебной экспертизы является четкое определение предмета конкретного экспертного исследования.

Частным предметом судебной экспертизы, по другому именуемым как предмет конкретной, проводимой по уголовному делу экспертизы, являются фактические обстоятельства, которые подлежат выяснению на основе специальных знаний по вопросам, поставленным на разрешение эксперта. Фактические обстоятельства как предмет экспертизы определяются через стороны, свойства и отношения объектов экспертизы, которые исследуются (подлежат исследованию) средствами данной экспертизы с целью разрешения вопросов, имеющих значение для уголовного дела. Указанный взгляд на предмет судебной экспертизы является устоявшимся и отвечает соответствующим положениям уголовно-процессуального закона [12, с. 311–317].

Исходя из такого понимания частного предмета судебной экспертизы, можно говорить о криминалистических целях и задачах данного следственного действия. Криминалистические цели назначения и производства судебной экспертизы сводятся к следующим:

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения преступления и обнаруженными орудиями преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между обстановкой преступления и личностью преступника;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом подготовки и способом совершения преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения и способом сокрытия преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между действиями соисполнителей, между поведением исполнителя и других соучастников преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения преступления и его обстановкой;
- криминалистический анализ причинно-следственных связей между обстановкой преступления и его механизмом. При этом анализ включает в себя поиск проявлений указанных связей, их проверку и оценку.

Криминалистическими задачами назначения и производства судебной экспертизы будут являться следующие:

- получение доказательств;
- получение представления о возможных дополнительных источниках доказательств и иной информации;

- получение данных, позволяющих произвести оценку уже имеющейся в распоряжении следователя информации, в том числе доказательств;

- изучение личности отдельных участников уголовного судопроизводства;

- установление обстоятельств, способствовавших совершению расследуемого преступления.

В отличие от других следственных действий, которые представляют возможность реализации указанных целей в ходе самого следственного действия, при производстве судебной экспертизы определенная часть названных целей может быть реализована в ходе исследовательской части экспертизы при условии присутствия следователя при её производстве. Другая же часть криминалистических целей судебной экспертизы может быть достигнута лишь путем анализа заключения эксперта.

Определение предмета судебной экспертизы через признак «устанавливаемые обстоятельства» подчеркивает мысль о том, что экспертное исследование по своей сущности не является научным: общепринятым является определение предмета научного исследования как совокупности тех или иных закономерностей, существующих в природе и обществе.

В специальной, в том числе учебной, литературе высказываются иные подходы к определению понятия предмета судебной экспертизы. Так, по мнению В.Я. Колдина, предмет судебной экспертизы (или задачи экспертного исследования) характеризует *сущность* подлежащих разрешению посредством экспертизы вопросов [13, с. 413–428]. Таким образом, ставится знак равенства между предметом и задачами экспертного исследования. Представляется, что в этом случае дается понимание лишь родового (видового) предмета судебной экспертизы, безотнositельно к какому-либо частному предмету экспертизы, проводимой по отдельному уголовному делу.

Исходя из сказанного, *взаимодействие следователя с должностными лицами экспертного подразделения, а также с лицами, которые обладают специальными знаниями, но не являются экспертами по должности, представляет собой основанную на законах и подзаконных нормативно-правовых актах согласованную деятельность различных самостоятельных в организационном плане участников уголовного судопроизводства по достижению общих для всех задач, а также частных задач каждого из них, которая осуществляется в установленной уголовно-процессуальным законом форме.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Дергач Н.С. Криминалистическое обеспечение взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании квартирных краж // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: материалы конф. В 2-х т. Т. 1. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 105–109.
2. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании

- преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... д.ю.н. Саратов, 2008. 497 с.
3. *Поташиник Д.П.* Тактико-криминалистический аспект использования специальных знаний в правоприменительной практике // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики: материалы конф. В 2-х т. Т. 1. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 226–232.
 4. *Земцова С.И., Зырянов В.В.* Структура специальных знаний как предмет научной дискуссии // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1 (45). М.: Спарк, 2013. С. 18–23.
 5. *Малевски Г.* Специальные знания – краеугольный постулат концепции криминалистики Ганса Гросса и их современная интерпретация // Криминалист первопечатный. 2012. № 5. С. 108–121.
 6. *Горянов Ю.И.* Судебные экспертизы в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: дис. ... к.ю.н. М., 2006. 208 с.
 7. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М.* Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2009. 384 с.
 8. *Подшибякин А.С.* Право как теоретическая основа и источник криминалистических знаний для эксперта при производстве судебных экспертиз // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной науч.-практич. конф., посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е.Н. Тихонова. Барнаул, 21–22 марта 2008 г. / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул, 2008. Вып. 7–8. С. 237–241.
 9. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2007. 480 с.
 10. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2012. 440 с.
 11. *Россинская Е.Р., Бодров Н.Ф.* Использование специальных знаний при выявлении и расследовании коррупционных преступлений в сфере образования // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: сб. материалов 52-х криминалистических чтений. В 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2011. Ч. 2. С. 88–94.
 12. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997. 464 с.
 13. *Колдин В.Я.* Формы и тактика использования специальных знаний при расследовании преступлений // Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 413–428.